

УДК 902:794 (510)

С. А. Комиссаров

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

sergai@mail.ru

АРХИТЕКТОРЫ И ВИНODEЛЫ ИЗ ПЛЕМЕНИ БЕЛЫХ ДИ *

Статья посвящена памяти выдающегося российского китаеведа В. Е. Ларичева (1932–2014), идеи которого послужили методологической основой для написания этой работы. Рассмотрены материалы могильника и городища государства Чжуншань периода Чжаньго. После публикации отчета о раскопках прошло больше 20 лет, но памятники продолжают привлекать внимание исследователей. Во-первых, в могилах нашли фляги с остатками древнего алкоголя. Эта уникальная находка позволяет проследить рецептуру и технологию производства «вина», а также его использование в ритуалах. Во-вторых, обнаружена бронзовая пластина с самым ранним в Китае архитектурным чертежом; его сопоставление с реальными размерами построек позволили выделить размер универсального «строительного» модуля. В-третьих, в могиле одного из аристократов обнаружили две доски для популярной игры *любо*. Эти находки свидетельствуют о том, что «варварское» государство Чжуншань (созданное племенами белых ди) не уступало в развитии чжоуским царствам, но при этом сохраняло специфические черты в локальном стиле прикладного искусства.

Ключевые слова: государство Чжуншань, период Чжаньго, древнее винокурение, история архитектуры, культурное взаимодействие.

Изучение проблем многовекового общения китайской цивилизации с культурами соседних территорий относится к числу основных элементов научного творчества В. Е. Ларичева. Он на конкретном археологическом материале показал, что, как правило, имело место не одностороннее влияние (даже в случае такого мощного культуртрегера, как Китай), а интенсивное взаимодействие, приводившее к появлению нового качества. Устойчивая культурная иррадиация со стороны Поднебесной не препятствовала сопредельным народам в развитии собственных традиций и в создании суверенных политий (см.: [Ларичев, 1980]). Труды В. Е. Ларичева имеют важное методологическое значение для исследований межкультурных коммуникаций на просторах Восточной и Центральной Азии, от каменного века до эпохи Средневековья.

Одним из наиболее значительных и хорошо изученных памятников, отразивших этнокультурную ситуацию Северного Китая в эпоху Чжоу, является городище и группа могильников Пиншань вблизи одноименного уездного центра в пров. Хэбэй. Первые обследования проведены в 1950-е гг., а крупномасштабные раскопки в 1974–1982 гг. [Комиссаров, 1986]. Обшир-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ 14-28-00045.

ное городище размерами 4,5×4 км расположено на северном берегу р. Хуто. По периметру прослежены остатки оборонительных стен из трамбованной земли (ширина в основании 34–35 м), по линии север – юг проходит внутренняя стена, которая делит город на западную и восточную части. В ряде мест найдены дополнительные конструкции, выступающие за линию стен на расстояние до 150 м, шириной от 10 до 50 м, на которых располагались дозорные башни или бастионы. В центре северной и западной стен выявлены ворота шириной соответственно 8 и 11 м, к которым вели утрамбованные дороги (улицы). С восточной стороны к городской стене пристроен форт размерами 1,05×1,4 км, в западной части которого возвышалась площадка из утрамбованной земли 60×60 м, высотой 8,2 м, с дополнительными пристройками с двух сторон ([Чжаньго Чжуншаньго..., 2005]).

В северо-западной части города и в 2 км к западу от стен зафиксированы элитные кладбища, в том числе царские могилы № 1 и № 6. Над первой из них возведен курган размерами 110×92 м, высотой ок. 15 м; вся конструкция имела вид трехступенчатой платформы. На первом уровне зафиксирован сток для воды шириной 1 м, выложенный из гальки, на втором – остатки стен и основания для опор, на третьем – груды черепицы от кровли галереи и здания шатрового типа (храма), закрывавшего вершину. В насыпь врезаны два сопогребения, две ямы с колесницами и лошадьми (*чэ-ма кэны*), по одной яме с лодками и жертвенными животными. Могила № 6 хуже сохранилась; вероятно, она имела сходную конструкцию, сопровождалась тремя сопогребениями и двумя *чэ-ма кэнами*. Внутреннее устройство обеих могил представляет собой могильную яму с двумя коридорами-дромосами по оси север – юг, в сопровождении отсеков для хранения инвентаря; стены обмазаны смесью глины с травой и побелены.

В могиле № 1 размеры камеры составляют 14,9 × 13,5 м, глубина 8,2 м, саркофаг окружен по периметру кладкой из галечника толщиной 2 м; с двух сторон от могилы – специальные комнаты для сопроводительного инвентаря. Внутри находился набор из четырех гробов-саркофагов, помещенных один в другой, но сильно разрушенных¹. Тем не менее, многие вещи, особенно в боковых камерах, хорошо сохранились. Найдены бронзовые ритуальные изделия: 14 треножников, контейнеры для зерна, фляги для вина, кубки на поддонах, блюда, детали крепления палатки, уникальные навершия в виде трезубцев; набор из 17 бронзовых колоколов и 15 литофонов; многочисленная керамика (триподы, фляги, кубки, блюда) и остатки лаковых изделий. Девять бронзовых треножников образуют систему *ле-дин* («выставленных в ряд треножников», то есть однотипных сосудов, размеры которых равномерно изменяются), что указывает на высший статус погребенного как владетельного князя («царя»). Много художественных изделий из бронзы, инкрустированных золотом и серебром: канделябры и лампы, столик на ажурном основании, подставки для мебели, фигуры людей, обезьян, драконов и фениксов, крылатых «тигров» (рис. 1) [Тю: сан..., 1981; The Great Bronze Age..., 1980]. В скульптурных изображениях кошачьего хищника, терзающего оленя (рис. 2), и орла с распластанными крыльями китайские специалисты видят реминисценции скифского «звериного стиля». Можно говорить о формировании локального художественного стиля, который проявился в предметах искусства, обнаруженных также на памятниках эпохи Западная Хань [У Хун, 1979].

В *чэ-ма кэнах* захоронено 12 лошадей, вместе с ними – крупные (возможно, боевые или охотничьи) собаки в ошейниках, украшенных драгоценными металлами; в одной из ям сохранились только четыре колесницы (изначально было больше), в другой они полностью разрушены. Найдены остатки трех больших и одной малой лодок, причем от лодочной ямы («дока») был прорыт канал к реке. В жертвенной яме в изобилии находились кости лошадей, баранов и собак. В могиле № 6, возможно, более поздней, помимо бронзовых, лаковых и керамических сосудов найдены украшения из нефрита, слоновой кости, камня и железа, а также детали конструкции для кожаной палатки.

Всего при раскопках собрано свыше 19 тыс. артефактов. Получен богатый эпиграфический материал на 174 предметах (надписи инкрустированы на бронзовых сосудах, нанесены тушью на нефрите, зафиксированы на глиняных оттисках печатей), общим объемом 2 967

¹ Материал приводится по: [Цо му., 1995].

Рис. 1. Крылатый «тигр» из могилы Цо-вана. Высота 24,6 см, длина 40,5 см, вес 22 кг; хранится в Музее пров. Хэбэй (г. Шицзячжуан, КНР). По: Тю: сан., 1981. Ил. 43.

Рис. 2. Бронзовая подставка, инкрустированная золотом и серебром, в виде фигуры кошачьего хищника, терзающего оленя. Высота 21,9 см, длина 51 см, вес 26,6 кг. По: Тю: сан., 1981. Ил. 18.

иероглифов [Чжунго каогу., 2004. С. 347]. Наибольшую важность имеют тексты на двух бронзовых флягах для вина (рис. 3), состоящие из 1 101 иероглифа. Благодаря им стало известно, что в могиле № 1 захоронен ван Цо, правивший государством Чжуншань с 327 по 313 гг. до н. э. Надписи содержат сведения о генеалогии чжуншаньских ванов, а также о походе против порубежного государства Янь и захвате десятков городов, скорее всего, в 316 г. до н. э., в союзе с государством Ци [Loewe, 1985; Wu Xiaolong, 2004].

В самих флягах нашли остатки густой жидкости зеленого цвета, содержавшей этанол (рис. 4). В ноябре 1978 г. состав изучили в Пекинском НИИ спиртовой промышленности, выявив высокое содержание азота, лактиловой (молочной) и бутириновой (масляной) кислоты, что указывает на использование молока или, более вероятно, зерна в качестве исходного сырья. Значительный осадок объясняется тем, что напиток не подвергался перегонке, а использовался как слабоалкогольное «вино» (хотя и без винограда)². Подобные напитки изготавливались на территории Китая на протяжении многих тысячелетий; наиболее раннее свидетельство зафиксировано на поселении Цзяху, относимого к раннему этапу культуры Пэйлиган (VII тыс. до н. э.)³. Близкий по рецептуре напиток выделен из осадочных материалов на керамике поздненеолитического могильника Лянчэнчжэнь в юго-восточной части пров. Шаньдун (средний этап культуры Луншань, 2 400–2 200 лет до н. э.). Спиртные напитки из проса и риса, изготовленные методом сахаризации с использованием плесневых грибов, с добавлением ароматизаторов из фруктов и трав, найдены на памятниках позднего Шан – раннего Чжоу. Алкоголь из различных видов зерновых или бобовых растений широко использовался в обрядах на протяжении всей чжоуской эпохи, его изготовлением и потреблением (разумеется, не бытовым, а ритуальным) ведали особые чиновники, чему посвящен специальный раздел в «Чжоу ли»⁴. Очевидно, «вино» играло определенную роль в заупокойном культе – как в качестве жертвоприношения предкам, так и важного компонента погребальной тризны, поскольку вызываемое алкоголем измененное состояние сознания способствовало общению с богами и духами [McGovern et al., 2005. P. 250]⁵.

Вместе с ритуальными сосудами в могиле № 1 обнаружена уникальная бронзовая пластина размерами 94×48×0,8 см, весом 32,1 кг, на которой с помощью золотой и серебряной инкрустаций нанесены: план строительства «погребального парка» с указанием точных размеров зданий (пять поминальных храмов над могилами и четыре подсобных помещения); контуры стилобата, на котором размещены храмы, и окружающей их стены с воротами; текст указа о строительстве этого «парка». Проведенные замеры показали, что указ относился именно к раскопанному погребально-поминальному комплексу (данному на плане в масштабе 1:500), который, однако, не был достроен. Это наиболее ранний архитектурный чертеж на территории Китая, посвященный сложному культовому объекту; с его помощью удалось выполнить довольно точную реконструкцию (рис. 5). Редкая возможность сопоставить реальные размеры, полученные за счет обмеров, и номинальные величины, указанные на бронзовой пластине, позволила определить базовый модуль (1 *чи*) и его точное значение (22 см) [Ян Хунсюнь, 1987. С. 133]. Эта величина несколько отличается от исчисленной для эпохи Чжоу по другим источникам; но при этом вполне естественно занимает промежуточное положение между чжоуским (19,91 см) и ханьским (27,65 см) линейным *чи* [Кроль, Романовский, 1982. С. 220–225]. Возможно, это был специальный, «архитектурно-строительный» *чи*, употреблявшийся для нужд

² Чэнь Юй. 2300 нянь цянъдэ Чжаньго Чжуншань гуцзю чжицзинь баоцунь ваньхао [陈玉. 2300年前的战国中山古酒至今保存完好]. Древнее вино чжаньгоского государства Чжуншань (с датой) 2 300 лет назад, хорошо сохранилось до наших дней // Сайт Агентства Синьхуа. 30.12.2004. URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2004-12/30/content_2393619.htm (дата обращения 03.03.2016).

³ Осадок выявлен на черепках керамических сосудов. Анализ показал, что в них хранился сброженный напиток, изготовленный из риса, меда и ягод китайского боярышника-шаньчжа (или дикого винограда) [McGovern et al., 2004].

⁴ Перевод и обстоятельное исследование выполнены С. Кучерой [2012. С. 292–317] в статье «Вино в культуре Древнего Китая». См. также: [Li Zhengping, 2010. P. 61–77].

⁵ Реминисценции культового отношения к вину в чжоуском обществе можно видеть в обрядах жизненного цикла у этнических китайцев (ханьцев). См.: [Хо, 2015].

Рис. 3. Бронзовая фляга для вина ху. Высота 44,6 см, диаметр 15 см, вес 10,4 кг. По: Тю: сан., 1981. Ил. 5 (справа).

Рис. 4. «Вино», сохранившееся в бронзовой фляге. По: Тю: сан., 1981. Ил. 5 (слева).

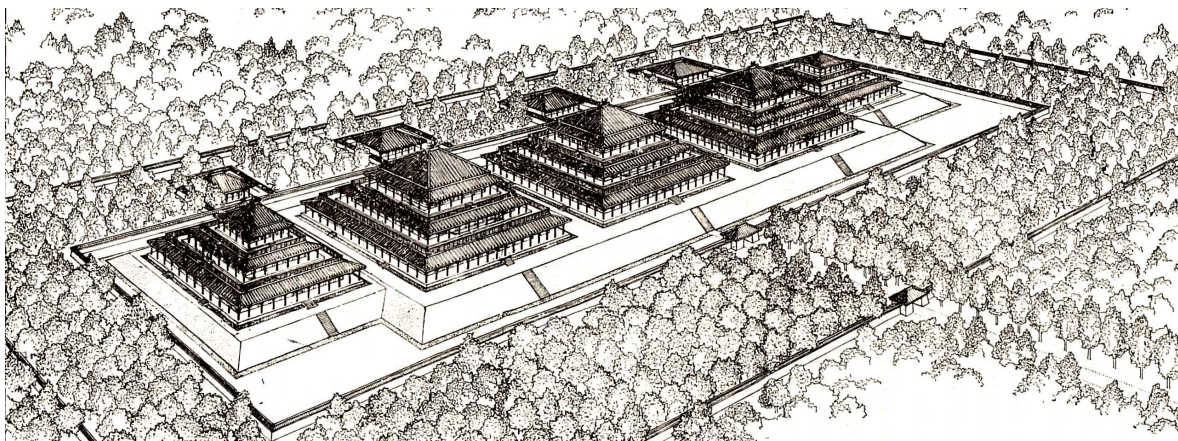

Рис. 5. Реконструкция могильного комплекса Цо-вана. По: Ян Хунсюнь, 1987. С. 135.

проектирования. Следует подчеркнуть, что на пластине представлен наиболее ранний образец использования масштаба для составления планов; ранее считалось, что первую карту в масштабе «2 цуня – 1 000 ли» составил Пэй Сю в 267 г. (при династии Западная Цзинь); применительно к архитектуре план храма в масштабе «1 фэнь за 1 чи» выполнил при династии Суй архитектор Юйвэнь Кай (555–612), кстати, сяньбэец по происхождению [Ян Хунсюнь, 1987. С. 132].

По мнению М. Е. Кравцовой [2010. С. 835], создание усыпальницы, имеющей сложную наземную часть, свидетельствует о своеобразии художественных традиций «белых ди» и развитости местного зодчества. Их «религиозно-строительный опыт», адаптированный к требованиям и стандартам китайской художественной культуры, оказал влияние на развитие погребальной архитектуры Древнего Китая, определив облик важнейших объектов, например, мавзолея Цинь Шихуанди [Кравцова, 2004. С. 167–168; 2007. С. 493].

В завершении упомянем примечательную находку в могиле МЗ, судя по расположению и инвентарю, принадлежавшей одному из приближенных чжуншаньских правителей. Это две резные каменные доски для игры в *любо* – наиболее ранние изделия подобного рода [Комиссаров, 2014]. Данная игра была хорошо известна в Китае ханьского времени и предшествующего ему периода ⁶. Термин встречается в различных чжоуских сочинениях – вплоть до «Лунь юя», в котором Конфуций отмечал увлечение современников игрой в *любо* и «облавные» шашки ⁷. Благодаря реконструкции, предпринятой Ли Лином [2004], удалось установить, что для двух досок из Пиншань использовались разные маршруты движения фишек, то есть одновременно существовали разные варианты игры в *любо*, один из которых получил дальнейшее развитие при Хань. Правители и аристократы государства Чжуншань основательно подготовились к переходу в загробный мир, полагая, что и там они будут предаваться излюбленным занятиям, выстраивая комбинации на игровой доске за чаркой доброго вина.

Данные эпиграфики позволили соотнести полученные материалы с письменными источниками, поскольку государство Чжуншань хорошо известно в китайских летописях уже с 414 г. до н. э. Оно наследовало государству Сяньюй, созданному племенем «белых ди», которое входило в орбиту «скифского мира» [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978. С. 183–184]. В культурном плане «варварское» по происхождению государство ничем не уступало окружавшим его чжоуским царствам ⁸ и играло заметную роль в бурных политических событиях эпохи Чжаньго. Однако с конца IV в. до н. э. оно подвергалось перманентной агрессии со стороны государства Чжао, причем именно здесь чжаоский Улин-ван успешно опробовал свои заимствования – у «варваров»! – в организации и снаряжении войска [Сыма Цянь, 1992. С. 60–67]. В 296 г. до н. э. Чжуншань уничтожила коалиция более мощных государств Чжао, Ци и Янь [Loewe, 1985. Р. 130], которые вошли в состав «семи героев» – участников заключительного периода в борьбе за создание первой китайской империи.

Выше мы отмечали специфические черты в искусстве (и культуре в целом) государства Чжуншань, связанные с его происхождением. Однако следует при этом согласиться с мнением тех исследователей (см., напр.: [Хуан Шэнчжан, 1979]), которые полагают, что местную специфику не стоит преувеличивать, поскольку чжуншаньские правители были тесно связаны с правящим домом Чжоу. Общение между жителями Средних государств и периферийны-

⁶ В Интернете представлено два профессиональных обзора с подборкой иллюстраций: в блоге писателя Д. И. Скирюка [2012] и на сайте историка настольных игр Жана-Луи Казо [Cazaux, б. г.]. Скирюк Д. И. История шахмат. Ч. 2: Любо // Блог Дмитрия Скирюка. 08.06.2012. URL: <http://skyruk.livejournal.com/273963.html> (дата обращения 21.07.2016). Cazaux J.-L. Liubo // Персональный сайт Жана-Луи Казо. URL: <http://history.chess.free.fr/liubo.htm> (дата обращения 21.07.2016).

⁷ Современные авторы переводят 博 бо как азартные игры в целом или как просто шашки, однако иероглиф однозначно указывает на конкретную игру. См. подборку из пяти переводов фрагмента 22 главы 17 «Ян Хо» на сайте lunyu.ru/17/22

⁸ Например, Ли Сюэцин [2007. С. 64–65] сравнивает чжуншаньский комплекс с одновременными ему элитными погребениями государства Вэй в Гувэйцунь (уезд Хуйсянь, пров. Хэнань) и обнаруживает значительное сходство в погребальных конструкциях и инвентаре. Вэйским влиянием он объясняет распространение конфуцианства в Чжуншань, что проявляется, например, в цитатах из «Ши цзина» в текстах на бронзовых сосудах.

ми (по отношению к этим государствам) племенами осуществлялось на протяжении многих столетий и сопровождалось интенсивным культурным обменом. Этому способствовало взаимопроникновение элит – процесс, хорошо известный по письменным источникам для последующих эпох. Главным культурным донором, несомненно, выступала китайская цивилизация, что было в значительной мере обусловлено – часто вопреки ксенофобским высказываниям конфуцианских идеологов – ее высокой степенью культурной адаптивности, способностью воспринимать и перерабатывать лучшие достижения других народов.

Список литературы

Комиссаров С. А. Государство Чжуншань (по археологическим данным) // 4-я Всесоюз. шк. молодых востоковедов: Тез. М.: ГРВЛ, 1986. Т. 1. С. 47–49.

Комиссаров С. А. Самое раннее археологическое свидетельство об игре любо в Древнем Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 191–193.

Кравцова М. В. Мировая художественная культура. История искусства Китая: учеб. пособие. СПб.: Лань; Триада, 2004. XXXII, 960 с.

Кравцова М. В. Лин цинь // Духовная культура Китая: энцикл. в 5 т.+доп. том. М.: Вост. лит., 2007. [Т. 2:] Мифология. Религия. С. 493–497.

Кравцова М. В. Чжуншань-го ды ишу // Духовная культура Китая: энцикл. в 5 т.+доп. том. М.: Вост. лит., 2010. [Т. 6 (доп.):] Искусство. С. 835–836.

Кроль Ю. Л., Романовский Б. В. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. М.: ГРВЛ, 1982. Вып. 23. С. 209–243.

Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: ГРВЛ, 1978. 342 с.

Кучера С. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов. М.: Наталис, 2012. 414 с.

Ларичев В. Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8–38.

Сыма Цянь. Исторические записки: («Ши цзи») / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1992. Т. VI. 483 с.

Хо О. А. «Вино» 酒 как ритуал в культуре Китая // Культуры и языки стран Дальнего Востока: Изучение и обучение. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С. 282–290.

Li Zhengping. Chinese wine: Universe in a Bottle. Beijing: China Intercontinental Press, 2010. 143 p.

Loewe M. The Royal Tombs of Zhongshan (c. 310 B. C.) // Arts Asiatique. 1985. Vol. 40, № 1. P. 129–134.

McGovern P. E., Zhang Juzhong, Tang Jigen et al. Fermented beverages of pre- and proto-historic China // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2004. Vol. 101, № 51. P. 17593–17598.

McGovern P. E., Underhill A. P., Fang Hui, Luan Fengshi, Hall G. R., Yu Haiguang, Wang Chen-shan, Cai Fengshu, Zhao Zhijun, Feinman G. M. Chemical Identification and Cultural Implications of a Mixed Fermented Beverage from Late Prehistoric China // Asian Perspectives. 2005. Vol. 44, № 2. P. 249–275.

The Great Bronze Age of China: An Exhibition from the People's Republic of China / Ed. by Wen Fong. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1980. 386 p.

Wu Xiaolong. How inscriptions and style reflect politics: the bronzes of King Cuo // Antiquity. 2004. Vol. 78, № 301. P. 594–601.

Ли Лин. Жушань юй чусай [李零. 入山与出塞]. Поднимаясь в горы и пересекая границы. Пекин: Вэньчубаньшэ, 2004. 2, 6, 387 с.+цв. ил. (раздельн. пагинация).

Ли Сюэцин. Дун Чжоу юй Циньдай вэньмин [李学勤. 东周与秦代文明] Цивилизация Восточного Чжоу и династии Цинь. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2007. 330 с.

Тю:сан О-коку бунка тэн [中山王国文化展]. Выставка культуры царства Чжуншань. Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1981. 183 с.

У Хун. Тань цзицзянь Чжуншаньго циюдэ цаосин юй чжуанши [巫鸿. 谈几件中山国器物的造型与装饰 // 文物]. Обсуждение формы и украшения некоторых предметов государства Чжуншань // Вэньу. 1979. № 5. С. 46–50.

Хуан Шэнчжан. Гуаньюй Чжаньго Чжуншаньго муцзан иу жогань вэньти бяньчжэн [黄盛璋. 关于战国中山国墓葬遗物若干问题辨正 // 文物]. По поводу исследования некоторых вопросов, (связанных) с погребальным инвентарем государства Чжуншань периода Чжаньго // Вэньу. 1979. № 5. С. 43–46.

Цо му – Чжаньго Чжуншаньго гованчжи му [豊墓: 战国中山国国王之墓]. Могила вана Цо – правителя государства Чжуншань периода Чжаньго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1996. Т. 1; 2. 960 с. (единая пагинация).

Чжаньго Чжуншаньго Линшоучэн: 1975–1993 нянь каогу фацзюэ баогао [战国中山灵寿成: 1975—1993年考古发掘报告]. Городище Линшоучэн государства Чжуншань периода Чжаньго – отчет об археологических раскопках 1975–1993 гг. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 393 с.

Чжунго каогусюэ: Лян Чжоу цзюань [中国考古学: 两周卷/张长寿、殷玮璋主编]. Археология Китая: Период обеих династий Чжоу / Гл. ред. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2004. 6, 19, 32, 563 с. (раздельн. пагинация).

Ян Хунсюнь. Цзяньчжу каогусюэ луньвэньцзи [杨鸿勋. 建筑考古学论文集]. Сб. статей по археологии архитектуры. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1987. 331 с.

Материал поступил в редколлегию 15.09.2016

Sergei A. Komissarov

*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17, Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1, Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sergai@mail.ru

ARCHITECTS AND WINEMAKERS FROM THE WHITE DI'S TRIBE

This article is devoted to the memory of an outstanding orientalist, Dr. Vitaliy Ye. Larichev (1932–2014) whose ideas were used as methodological principles for our investigations of Chinese Northern cultures. He supposed that a permanent cultural irradiation of the Celestial Empire (China) didn't prevent the neighboring peoples from development of their own traditions and establishment of sovereign states. In this case, we have turned to materials obtained from royal tombs and fortified settlement of Zhongshan State dated back to the Zhanguo period. Although the report on excavations was published more than 20 years ago, these sites continue to attract attention of archaeologists. First, two bronze flasks with some amount of ancient alcohol within were found in the tombs. This unique find allows us to restore a composition and technology of distillation of this «wine» (but without vine), as well as its use in rituals. Second, the most ancient architectural drawing in China made on the big bronze plate was also found in one of elite burials. It was given with the scale 1:500 and fixed namely the burial complex where this finding took place. A comparison of the figures on the plate with real dimensions of buildings and other details gives a possibility to determine and to calculate a value of special «constructive» unit (modulus) in one *chi* («foot») that's equal to 22 centimeters. According to Marina Kravtsova (and we completely agree with her conception), «religious-constructive» ex-

perience of white *di*, through adaptation to the requirements and standards of Chinese art culture, influenced the development of Ancient China's funeral architecture and, first of all, some of the more important objects, such as Mausoleum of Qin Shihuangdi. Third, in one of the aristocratic tombs, two play-boards for *liubo* were found – an important component of a strategic game which became very popular during the following period of the Han dynasty. All these finds reveal the fact that the Zhongshan State, «barbaric» by its origin (created by white *di*'s tribes no later than in 414 BC and destroyed by coalition of Zhao, Qi and Yan in 296 BC) didn't concede in development to original Zhou's states, but at the same time it preserved specific features in the local style of applied arts. All communications between the population of the Middle states and periphery tribes were fulfilled during many centuries and were accompanied by intensive cultural exchange, including mutual penetration of elites from both sides.

Keywords: Zhongshan State, period of Zhanguo, ancient winemaking, a history of architecture, cultural interaction.

References

Komissarov S. A. Gosudarstvo Chzhunshan' (po arkheologicheskim dannym) [Zhongshan State (according archaeological data) // 4-ya Vsesoyuz. shk. molodykh vostokovedov: Tez. [The 4th All-Union workshop for young orientalists: Abstracts]. Moscow, GRVL, 1986, vol. 1, p. 47–49.

Komissarov S. A. Samoe rannee arkheologicheskoe svidetel'stvo ob igre lyubo v Drevnem Kitae [The earliest archaeological evidence on *liubo*-game in Ancient China]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAN Publ., 2014, vol. XX, p. 191–193.

Kravtsova M. Ye. Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura: Istoriya iskusstva Kitaya [World's art culture: A history of Chinese art]. St. Petersburg, Lan'; Triada, 2004, XXXII, 960 p.

Kravtsova M. Ye. Lin tsin' [Ling qin]. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsikl. v 5 t.+dop. tom [Spiritual culture of China: encyclopedia in 5 vols. + add. vol.]. Moscow, Vost. lit., 2007, [vol. 2:] Mifologiya. Religiya [Mythology. Religion], p. 493–497.

Kravtsova M. Ye. Chzhunshan'-go dy ishu [Zhongshan guo de yishu]. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsikl. v 5 t.+dop. tom [Spiritual culture of China: encyclopedia in 5 vols. + add. vol.]. Moscow, Vost. lit., 2010, [vol. 6 (add.):] Arts, p. 835–836.

Krol' Yu. L., Romanovskii B. V. Opyt sistematizatsii traditsionnoi kitaiskoi metrologii [An attempt for systematization of traditional Chinese metrology]. Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of the East]. Moscow, GRVL, 1982, iss. 23, p. 209–243.

Kryukov M. V., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N. Drevnie kitaitsy: problemy etnogeneza [Ancient Chinese: the problems of ethno genesis]. Moscow, GRVL, 1978, 342 p.

Kuchera S. Istoriya, kul'tura i pravo drevnego Kitaya [History, Culture and Law in ancient China]. Moscow, Natalis, 2012, 414 p.

Larichev V. E. Narody Dal'nego Vostoka v drevnosti i srednie veka i ikh rol' v kul'turnoi i politicheskoi istorii Vostochnoi Azii [The peoples of Far East in Ancient and Middle Ages and their role in cultural and political history of the East Asia]. Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka [Far East and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, 1980, p. 8–38.

Sima Qian. Istoricheskie zapiski [Historical Records]: («Shi ji») / Transl. from Chinese, preface and commentaries by R. V. Vyatkin. Moscow, Vost. lit., 1992, vol. VI, 483 p.

Kho O. A. «Vino» 酒 kak ritual v kul'ture Kitaya [«Wine» as ritual in Chinese culture]. Kul'tury i yazyki stran Dal'nego Vostoka: Izuchenie i obuchenie [Cultures and Languages in the countries of Far East: Studying and teaching]. Irkutsk, MSLU EALI, 2015, p. 282–290.

Li Zhengping. Chinese wine: Universe in a Bottle. Beijing, China Intercontinental Press, 2010, 143 p.

Loewe M. The Royal Tombs of Zhongshan (c. 310 B. C.). Arts Asiatique, 1985, vol. 40, no 1, p. 129–134.

McGovern P. E., Zhang Juzhong, Tang Jigen et al. Fermented beverages of pre- and proto-historic China. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2004, vol. 101, no. 51, p. 17593–17598.

McGovern P. E., Underhill A. P., Fang Hui et al. Chemical Identification and Cultural Implications of a Mixed Fermented Beverage from Late Prehistoric China. Asian Perspectives, 2005, vol. 44, no. 2, p. 249–275.

The Great Bronze Age of China: An Exhibition from the People's Republic of China / Ed. by Wen Fong. New York, The Metropolitan Museum of Art, 1980, 386 p.

Wu Xiaolong. How inscriptions and style reflect politics: the bronzes of King Cuo. Antiquity, 2004, vol. 78, no. 301, p. 594–601.

Li Ling. Rushan yu chusai [李零。入山与出塞]. Entering mountains, crossing the borders. Beijing, Wenwu chubanshe, 2004, 2, 6, 387 p.

Li Xueqin. Dong Zhou yu Qindai wenming [李学勤。东周与秦代文明]. Civilizations of Eastern Zhou and Qin Dynasty. Shanghai, Shanghai renmin chubanshe, 2007, 330 p.

Chuusan o-koku bunka ten [中山王国文化展]. An exhibition of Zhongshan State's culture, Tokyo, Nihon keizai shimbunsha, 1981, 183 p.

Wu Hong. Tan jijian zhongshanguo qiwude zaoxing yu zhuangshi [巫鸿。谈几件中山国器物的造型与装饰//文物]. A discussion on the forms and decoration of several things related to Zhongshan State, Wenwu, 1979, no. 5, p. 46–50.

Huang Shengzhang. Guanyu Zhanguo Zhongshanguo muzang yiwu rogan wenti bianzheng [黄盛璋。关于战国中山国墓葬遗物若干问题辨正//文物]. About investigation of some questions related with burial's implements in Zhongshan State of Zhanguo period, Wenwu, 1979, no. 5, C. 43–46.

Cuo mu – Zhanguo Zhongshanguo guowang zhi mu [酈墓：战国中山国国王之墓]. The tomb of Cuo-wang – the ruler of Zhongshan State of Zhanguo period. Beijing, Wenwu chubanshe, 1996, vol. 1; 2, 960 p.

Zhanguo Zhongshanguo Lingshoucheng: 1975–1993 nian kaogu fajue baogao [战国中山灵寿成：1975—1993年考古发掘报告]. Lingshoucheng fortified settlement in Zhongshan State of Zhanguo period – a report on archaeological excavations in 1975–1993. Beijing: Wenwu chubanshe, 2005, 393 p.

Zhongguo kaoguxue: Liang Zhou juan [中国考古学：两周卷/张长寿、殷玮璋主编]. Archaeology of China: Period of both Zhou dynasties / Zhang Changshou, Yin Weizhang (eds.). Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2004, 6, 19, 32, 563 p.

Yang Hongxun. Jianzhu kaoguxue lunwenji [杨鸿勋。建筑考古学论文集]. Collection of papers on architectural archaeology. Beijing: Wenwu chubanshe, 1987, 331 p.